

ВИТАЛИЙ ЛЕВЧЕНКО

ГЕНЕЗИС

МИТИ ТРАКТОРЕНКО

НА ПРОСТОРАХ

РУСИ

МАРЕНА - САРАСВАТИ

Виталий Левченко Генезис Мити Тракторенко на просторах Руси

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70502812

SelfPub; 2024

Аннотация

Студент-этнограф Вадим собирает материал для фольклорной практики. Случайно он узнает о никому не известном древнейшем веровании, дожившем до нашего времени. Пытаясь обнаружить истоки культа, Вадим убеждается, что все нити ведут на Русский Север, и переживает мистический опыт в размышлениях о судьбе славянского этноса.

Виталий Левченко

Генезис Мити Тракторенко на просторах Руси

О Мите Тракторенко впервые я узнал много лет назад. Возможно, если бы не случай, я так и остался бы в неведении об этом народном веровании, существующем с нами бок о бок неизвестно с каких времен, но по странным стечениям обстоятельств практически не известном обывателям и специалистам.

Будучи студентом-этнографом, я путешествовал летом на старенькой, но бодрой «Ниве», оставленной мне отцом по случаю покупки чухлого «мерседеса». Я колесил по просторам нашей родины, пытаясь собрать для фольклорной практики давно все записанное и классифицированное до меня маститыми докторами наук.

Как-то на ночь мне пришлось остановиться в деревушке Соломки недалеко от Красноярска. Деревенька была на удивление живой и умирать не собиралась, вопреки окружающим переменам. Узкая извилистая дорога, поблескивающая плотно уложенными плоскими камнями, крепко опоясывала ее по окраине, словно вердикт, утверждающий право разбросанных тут и там домишек на самобытное существование.

Изба, в которой я ночевал, была широченной и капитальной, под стать ее хозяйке – моложавой бабке Алевтине, похожей на огромную матрешку, скрывающей, казалось, внутри себя копии алевтин помельче.

Перед сном, за чаем, мы болтали ни о чем, сидя у огромного расписного самовара, тонко шумящего изнутри электрической спиралью. Хозяйка сетовала на расплодившихся без меры в этом году мышей, на отсутствие хозяина в доме, и что надо ждать, пока приедет из города сын, чтобы скосить траву на лугу, за домом.

– Мишка, сам-то со Светкой, женой своей, все в науку носы уткнули. В Новосибирск переводятся. Чё не хватает? А там, говорят, ученых – тьма тьмушая. И мои туда же. Внучку вон на лето мне спровадили. Некогда было привезти, на поезд с оказией посадили. А я встретила. Так она у меня самостоятельная, Наташка-то.

Наташка, светленькая вертлявая, лет восьми, с гладкой длинной косой, возилась на широкой лавке над листом большого ватмана, разукрашивая его цветными карандашами. Круглые карандаши скатывались с лавки, заставляя Наташку то и дело подхватывать их налету.

– Бойкая она, – кивнула с одобрением Алевтина. – Спать не уложишь до первых петухов. И вскакивает ни свет ни заря. Наташка, марш в кровать!

Девчушка сделала вид, что не слышит, а может, и в самом деле увлеклась, раскрашивая на бумаге синий хвост желтого

кота.

– Они нынче непослушные да скорые пошли. А вот в наше время маленько...

Я приготовился к долгим рассуждениям о прошлом, когда жилось легче и проще. Мне было интересно. Тем более я и сам с некоторых пор так думал о минувшем, несмотря на молодой возраст. Наверное, поэтому и стал этнографом. Еще я рассчитывал, впрочем, без особой надежды, услышать от хозяйки что-нибудь полезное для моей фольклорной практики: например, никому доселе не известную шутку-прибаутку или быличку.

Наташка громко зашелестела ватманом, карандаши звонко посыпались на пол.

– Бабуля, лавка кривая! – она сделала нарочито удивленный вид.

– Завтра стол тебе освобожу. Ложись спать, поздно уже, – Алевтина пыталась говорить строго, но это ей не удавалось. Чувствовалось, побаловать внучку она любит. Однако хитрая Наташка, видимо, сочла мое неожиданное появление в их доме законной причиной отступить от правил.

– Не пойду спать! Хочу рисовать! Давай со стола в спальне все уберем. Дядя Вадим! – надула она губки, искоса поглядывая на меня: а вдруг поддержу?

Авторитет бабушки в глазах гостя катастрофически пал. Погрозив пальцем внучке, Алевтина вдруг тихо сказала:

– Не слушаешься? Вот погоди, придет за тобой ночью

Митька Тракторенко!

Я заметил, как вздрогнула девчужка. Ни слова не возражая, она молча собрала карандаши и ушла в спальню.

Сегодня, по прошествии многих лет, я отчетливо помню обстановку того вечера. Прикрывшаяся за испуганной Наташкой дверь, напряженный взгляд Алевтины и какая-то странная тишина, выползшая из темных углов избы после слов хозяйки. Слышалось, как пощелкивают часы в зале, за деревянной стеной.

Но тогда я просто решил, что Митька Тракторенко – это соседский пьяница, шумный, надоедливый, но беззлобный. Их хватает в каждой деревне, да и в городских домах тоже. Такими митьками пугают непослушных детишек, если уходящие в забвение Бабайка и Хока не помогают. Мне, как будущему этнографу, было это хорошо известно.

– Видимо, дебошир ваш всю деревню в страхе держит, – пошутил я.

Однако Алевтина, казалось, меня не услышала. Тревожно оглядевшись, она произнесла:

– Вырвались слова-то запретные, да на внучку. Дура, сама беду кличу.

Она отдернула легкую кружевную занавесь в углу с иконами, зажгла новую тонкую свечечку и зашептала молитву Богородице о защите детей.

Меня это заинтересовало. Митька Тракторенко из докучливого алкоголика неожиданно превращался в нечто боль-

шее. Я чувствовал, что фольклорная практика может обогатиться ценной находкой. Однако с местными верованиями следовало обходиться тактично.

После молитвы Алевтина, похоже, успокоилась. Вернувшись за стол, включила заново самовар. Слушая его бодрое гудение, я осторожно спросил:

– А этот, Сам, чье имя произносить нельзя, он кто?

Хозяйка кинула на меня благодарный взгляд, в котором читалось: молодец, раз имя не назвал – понимаешь!

Она вздохнула.

– И знать не знаю, да только покойный мой Петр Андреевич все чудил с ним. Чё делать начнет да завошкается – нет-нет да и покличет в сердцах. Мне поначалу в забаву было, с молодости, а потом боязно стало. Но так и привыкла. Спрашивала его, а супруг мой говорить про это не любил. Сказал только, от бати слышал. Тот крепко верил в Самого. Бате Петра про него рассказал боевой товарищ. Они до Германии вместе прошагали. Мой потом вспоминал: бывало, говорит, выйдет батяня на увал, повернется к солнышку, сначала богу помолится, а потом Самого и попросит беды на род не насыпать, а после благодарить начнет, что пулю на войне отвел да семью от голода сберег.

Я слушал Алевтину, боясь пропустить хоть слово. Похоже, мне чертовски повезло. Я обнаружил нечто до сих пор никому не известное. Но хозяйка, как ни пыталась вспомнить, ничего нового добавить не могла. А строить научный

материал на такой зыбкой почве, разумеется, нечего было и думать.

– О фронтовом товарище отца вашего супруга, вы, конечно, ничего не знаете? – спросил я без надежды.

К моему удивлению, хозяйка живо принесла из другой комнаты толстый, сильно пахнувший старыми фотографиями, тисненый синий альбом. Немного в нем порылась и показала мне карточку.

– Вот.

На нечетком снимке, привалившись к колесу военного «газика», сидел лейтенант, с недоступной для нынешнего поколения светлой искренностью на худом измученном лице.

– Сразу после победы, – пояснила Алевтина.

Я перевернул фотографию и увидел расплывшуюся, но еще хорошо читаемую надпись: «Андрюхе на долгую память от друга Валька. Мы победили! МТС». Ниже шел адрес, сделанный, судя по более четкому следу чернил, ручкой уже позже: Архангельская область, село Чернокошкино...

«Митька Тракторенко и черные кошки – все сходится» – подумал я, записывая адрес.

– А что такое МТС?

Хозяйка пожала плечами.

– Не знаю. Может, машинно-тракторная станция? Их тогда по всем колхозам организовали. Только о них и говорили.

– Возможно, – ответил я, вставая из-за стола.

Уже в постели меня вдруг насторожило: ну хорошо, допустим, Алевтина и ее покойный супруг. Но маленькая Наташка? Она-то чего испугалась? Неужели ее отец тоже что-то знает и страшает по вечерам Митькой непослушную дочку? Я решил на утро все выяснить.

Из моей затеи ничего не вышло. Перед рассветом зашумела у плиты Алевтина. Из комнаты Наташки доносился надрывный кашель. Я быстро оделся и прошел на кухню.

– Захворала Наташенька. Это я виновата, язык мой проклятый, – сокрушенно проговорила хозяйка, увидев меня. – Травы заварю.

Я принялся успокаивать женщину, как это принято в подобных случаях, перечисляя приходящие на ум банальности: хлебнула девочка студеной воды из колодца, босая бегала, сквозняком надуло и тому подобное. Алевтина, казалось, думала о своем.

Начало светать. Я поблагодарил хозяйку за гостеприимство. Она рассеянно кивнула, пожелала мне доброй дороги и снова ушла в Наташкину комнату. Я снял с вешалки сумку, надел куртку, осторожно закрыл дверь и зашагал к своей «Ниве», приткнутой на ночь под навесом, возле большого стога сена.

Летом в Архангельскую область я не поехал. Мой научный руководитель, профессор Рыбкин, предложил отправиться с ним в Карпаты, где обнаружили новые фрагмен-

ты керамики, которую принято официально относить к тшинецко-комаровской культуре праславянского периода. Отказаться от такого предложения я не мог.

Вернувшись в Москву, по адресу на фотографии мне удалось найти Валька. Им оказался дважды герой Советского Союза Валентин Георгиевич Мазков, почетный гражданин города Архангельск. Мы побеседовали с ним по телефону и договорились, что я приеду в сентябре. Истинной цели визита я не называл, и, думается, он принял меня за журналиста.

Село Чернокошкино являлось противоположностью деревне Соломки. Я ожидал увидеть поселок городского типа, но передо мной лежало забытое всеми богами старенькое поселение с обветшалыми домами и раскисшими от дождей узенькими дорожками, утыканными редкими клочками травы. Странно, что знаменитый герой жил в таком месте.

– Наверное, подумали: почему он здесь торчит, при его-то возможностях! – весело угадал мои мысли высокий сухопарый мужчина, назвать которого восьмидесятитрехлетним стариком не поворачивался язык. – Здравствуйте, Вадим. Имелись возможности, имелись! Всем помогал. А когда эти суки Союз разрушили – про меня забыли. И власть, и почти все родственнички, – беззлобно сказал он. – Пойдемте в дом.

Двухэтажное строение на роскошные хоромы не тянуло, но было добротным. При строительстве на кирпич и камень не скупилась. Небогатая, со вкусом советского времени, плотная обстановка интерьера вполне располагала к уют-

ным беседам. Мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж. В комнате ощущался тонкий запах чего-то неуловимо приятного.

– Присаживайтесь, Вадим. Чай, кофе, чего покрепче? – улыбнулся Валентин Георгиевич.

– Покрепче, – с уважением ответил я. Все-таки беседа предстояла не из простых.

Мазков одобрительно кивнул. Открыл сервант, блеснувший выстроенным по ранжиру резным хрусталем. Выудил из соседнего отделения бутылку, как мне показалось, армянского, коньяка, наполнил рюмки.

Я поблагодарил, удобнее усаживаясь в глубоком кресле возле теплого, отделанного золотисто-коричневой изразцовой плиткой камина, из которого предательски краснели спирали обогревателя. Мазков расположился в кресле рядом. Пригубил коньяк.

– Да... – протянул он. – Приятель присылает из Еревана. У нас такого не сыщешь. Хоть армяне не испаскудились. Кругом ворье. Вы, когда на кольце к селу поворачивали, бюст на постаменте видели?

– Что-то не припомню, – признался я.

– И правильно. Нет его, – усмехнулся хозяин. – Мне, как дважды герою Союза Советских Социалистических Республик, при Хрущеве бюст поставили. Полагается, мол. Не скупясь, из бронзы отлили цельный, не пустышку. Как мимо ни проеду – аж за сердце хватало. Не привычные мы при жиз-

ни-то памятники иметь. А в девяностых сперли его. Цветмет. Как же. Ночью и скovyрнули. Я им даже благодарен был. Вроде полегче даже стало. А то как одной ногой в могиле, – он отпил коньяка. – Недавно в мэрию пригласили. Так, мол, и так, дорогой вы наш, Валентин Георгиевич. Хотим справедливость восстановить. Да не в селе, а в Архангельске бюст поставим. Правда, из гранита. А я ни в какую. Не хочу, отвечаю, чтобы мне голуби на голову срали. В общем, отказался. Тогда они мне грамоту очередную, к Девятому Мая. На том и расстались. Молодой человек, я своими словами, а вы потом смягчите и мне статью перед публикацией покажите, хорошо? – обернулся он ко мне.

Я опустил рюмку на широкий лакированный подлокотник кресла и осторожно сказал:

– Валентин Георгиевич, собственно, я по другому вопросу.

– По другому? – подозрительно нахмурился Мазков. – Часом не о продаже медалей речь?

– Нет, нет! – быстро ответил я и рассказал ему об истории с Алевтиной и как нашел его по адресу на фотографии.

Мазков слушал молча. Закончив говорить, я махом допил коньяк и напряженно смотрел на хозяина.

– Уходите! – резко сказал он. Поднялся, скрестил руки на груди. – Уходите немедленно!

Чувствовалось: настаивать бессмысленно. Я вылез из кресла и шагнул к двери. Обернулся.

– Простите. Не хотел вас беспокоить. Я приехал не из праздного любопытства. Я студент-этнограф и с уважением отношусь к прошлому.

Спустившись по лестнице, я взялся за ручку двери и услышал:

– Вернитесь!

Мазков снова наполнил рюмки, мы сели в кресла. На коленях ветерана лежал тисненый альбом. Такой же, как у Алевтины, только еще толще.

– Прошу меня извинить, Вадим. Развелось сегодня охотников до сенсаций. Я подумал, вы один из них, – проворчал хозяин.

Ловкими пальцами он выдернул из альбома снимок. Протянул мне.

Большую часть фотографии занимало вспаханное поле, в глубокой борозде стоял трактор, возле которого расположился молодой Мазков, тогда еще Валек, и двое пахарей. Все трое были в просторных рубашках, с узорчатыми планками и воротниками. На Вальке красовался поверх рубашки модный клетчатый пиджак; светлый чуб торчал из волнистой заливчатской кепки. Улыбаясь, тройца глядела в объектив камеры, но как бы сквозь него. На капоте трактора блестела круглая эмблема с надписью МТС.

– Машинно-тракторная станция! – вспомнилось мне.

– Переверните фото, – сказал Мазков.

На обратной стороне карточки я прочел: «Митья Тракторенко Сарасвати. МТС».

– Охренеть! – вырвалось у меня. В смущении я глянул на хозяина.

Валентин Георгиевич улыбнулся.

– Ничего-ничего, зато искренне.

– Как это? Откуда?

Мазков вздохнул.

– На многое не рассчитывайте, Вадим. Я и сам не знаю. А о чем знаю – расскажу.

Я всматривался в лицо этого волевого человека, словно сошедшего со страниц советской военной повести, и не мог представить, что такие люди могут верить во что-то еще, кроме КПСС, и кому-то иному, нежели членам ее ЦК. На секунду у меня возникло ощущение грандиозной и хитро продуманной мистификации. Но зачем?

– Мои родители, сколько помню, всегда почитали Митю Тракторенко. Как бога, – спокойно начал Мазков. В отличие от Алевтины он говорил безбоязненно и не избегал настоящего имени Самого.

– Откуда пошла эта вера – не знаю. Но с Тракторенко всегда были связаны и горести, и радости, – вспоминал Валентин Георгиевич. – Мне исполнилось десять, когда утонул в пруду Сашка, младший брат. Мать рыдала, и я слышал, как она вопрошает Митю Тракторенко, за что такая беда. После начала молиться Христу. Или вот у сестры, Наденьки, перед

самой войной двойня родилась, Колька с Петькой, племянники мои. Те еще говнюки выросли, предатели! – скривился ветеран. – Да не об этом, ладно. Тогда до света гуляли всей семьей, за столом тосты поднимали, Тракторенко благодарили за благо большое.

Он снова наполнил рюмки. У меня закралось подозрение: уже не армянский ли коньяк способствует долголетию и бодрости хозяина этого дома? Рассеянный свет падал из окна сквозь белую занавеску на его лицо, и я не дал бы сейчас Мазкову больше семидесяти лет.

– А в июне фашист напал, – продолжал Валентин Георгиевич. – Мы в полдень возле радио сидели, слушали объявление о начале Отечественной войны. Отец с матерью потом вышли во двор. Мать на землю опустилась. Причитала: «За что ж ты губишь нас, Митя!». Отец молчал. Смотрел на тучи и все знаки какие-то делал руками. После поднял мать и сказал: «Не убивайся, Зина. Одолеем фашиста. Тракторенко поможет». И ведь помог, – загадочно улыбнулся Мазков.

– А как же подвиг советского солдата и всего народа? – вежливо спросил я.

Валентин Георгиевич серьезно кивнул.

– Конечно. Не думайте, Вадим, что я со временем ренегатом стал. И подвиги были, куда ж без них. Точнее, подвигами все это потом назвали. А мы просто Родину и Отечество защищали, кто как мог. Я случай вам расскажу. Сейчас, только трубку возьму.

Он вытащил из деревянного полосатого ящичка на каминной полке длинную прямую трубку, кисет и спички. Через пару минут в воздух потянулись маленькие колечки. Я понял, чем пахло в комнате, когда мы только зашли. Табак был на редкость приятным.

– Приятель до сих пор присылает с Кубы. Мы же с кубинцами ох как дружили! – тряхнул кисетом Мазков. – Они в куреве толк знают. У нас такого не сыщешь. Хоть кубинцы не испаскудились, – он с блаженством выпустил из носа дымок.

– Ну так продолжу. В октябре сорок первого это было. Около Вязьмы. Тот самый Вяземский Котел. Мы с Андреем как-то от своих отстали. Заплутали малость по окрестностям. А тут немец на мотоциклетах показался. За нами поле открытое, ни былинки, спрятаться негде, а спереди, из рожицы, гадина прет. Прямо на нас. Все, думаю, конец! И тут в голове как щелкнуло что-то. Толкаю Андрюху в бок. Говорю: «Давай просить Митю Тракторенко защитить нас!». Товарищ мой, конечно, не понял. «Какого такого Тракторенко? Нас вот-вот из пулеметов срежут». Думал, что спятил я от страха. Объяснять было некогда. И терять нечего. Все равно крышка. Говорю: «Стой спокойно, и глаза закрой, что бы ни случилось, не смотри!». Схватил его под локоть. Сам тоже зажмурился и про себя шепчу как молитву: «Митя Тракторенко, помоги, спаси от смерти!». Вокруг моторы шумят, немцы залаяли, а я продолжаю свое твердить. Сколько так стояли – не знаю. Только слышу: мотоциклетки вдали смол-

кают. И тишина наступила мертвая. Я глаза открыл. И дышать боюсь. Андрея толкнул. Тот тоже осматривается. Живы, значит.

Валентин Георгиевич попыхивал трубкой, сосредоточенно глядя в камин.

Я молчал.

– А вот другой случай, – задумчиво произнес он. – Уже в сорок пятом. В конце апреля. Немец понимал: конец ему. Зверел окончательно. Хотя куда уж больше! Мы рвали рубежи на подступах к Берлину. Стали в город заходить. К тому времени я уже с погонами лейтенанта был, Андрей – младший лейтенант, значит. А мне снова отличиться захотелось. Не для горделивости, нет. Настроение пошло такое... победу рукой можно было схватить. В таких чувствах об осторожности забываешь. А беда забывчивых любит. В общем, хотел я взять языка какого-нибудь. Делов-то: на другую сторону улицы махнуть, в многоэтажку, где фашистский снайпер засел. Раз – два. Так я думал. Андрюха, конечно, со мной. Мы дали приказы своим прикрывать нас. Улицу хорошо прошли. Заскочили в дом. Стали по лестнице подниматься. Второй этаж, третий. И тут снизу и сверху стук-стук! Две гранаты нам под ноги. Засада то была, фрицы на снайпера, как на живца, хотели нас взять. Мы, как гранаты увидели, не сговариваясь, с Андрюхой во весь голос: «Митя Тракторенко, защити-спаси!» – Мазков обернулся ко мне, – и чтобы вы думали, Вадим? Не разорвались гранаты! Пшикнули – и все.

И сразу снизу четверо и сверху пятеро на нас поперли. Фашисты, значит. Заорали, задержались. Мы с Андрюхой, бок о бок, их из автоматов. А они в ответ – ничего. Жмут на курки, и только осечки щелкают. Там мы их и положили всех. Отвел Митя Тракторенко смерть и в тот раз.

Валентин Георгиевич аккуратно поставил трубку на подлокотник кресла. Вздохнул.

– Расскажите о подписях на фотографиях, – попросил я. – Какое отношение имеет Тракторенко к ведическим верованиям?

– К ведическим? – поднял брови хозяин.

– Санскрит. Индуизм, – пояснил я. – Митья и Сарасвати.

– Понятия не имею, – пожал плечами Мазков, недоуменно поглядывая на меня. – Индуизмом никогда не увлекался. Хотя приятели в Индии есть. Мы же с индусами при Брежневке не разлей вода были. Хинди руси бхай бхай!

– Позвольте, Валентин Георгиевич, – опешил я, – а зачем вы это написали?

– Дело в том, Вадим, – серьезно сказал Мазков, – что я не помню, как делал эти подписи. А вернее, вспомнил только потом.

– Как же это? – удивился я.

– Та карточка, что после победы сделана... Я не сразу отдал ее Андрею. И вот как-то после отбоя в палатке меня что-то толкнуло во сне. Я проснулся и отчетливо вспомнил, как пару ночей назад встал, зажег фонарик, нашел ручку и напи-

сал эти слова, – он прикрыл глаза, вспоминая:

– Андрюхе на долгую память от друга Валька. Мы победили! МТС. Точно!

– А вторая карточка? – допытывался я.

Хозяин задумался.

– Эту сделали в одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году. Накануне реформы МТС. Ну, вы понимаете, – усмехнулся он, – машинно-тракторные станции вряд ли имеют отношение к индуизму.

– Наверное, – рассмеялся я.

– Меня из бригадиров прочили сразу в областной совет. А я не хотел в кабинете штаны протирать. Землю любил. И до сих пор без нее жить не могу. Поэтому и барахтаюсь здесь, в Чернокошкино... – он на минуту замолчал, глядя в окно.

– Да, о надписи, – продолжил хозяин. – Я заметил ее... спустя пару лет, когда альбом перелистывал. А заметив, вспомнил, что однажды точно так же ночью, словно лунатик, проснулся и подписал карточку.

Мазков поднялся из кресла, стал чистить трубку. Я понял: сказать ему больше нечего.

– Вот и все, Вадим. После войны я никогда и ни о чем не просил Тракторенко. Чувствовал – хватит. Исчерпал я свой лимит. – Ветеран перевел на меня взгляд. – Так и жил, в душе благодарность большую имея. Сам всем помогал, кто с чистой совестью приходил ко мне. А родственники... – он махнул рукой. – С одной только сестрой общаемся, с Надей,

да с дочкой ее и мужем. Кстати! – вскинул он брови, – поговорите с сестрой. Она тоже может что-то рассказать. Адрес я черкну.

Я уходил от Мазкова с непонятным чувством. С одной стороны, история про Митю Тракторенко тянула пока что лишь на нескладную быличку. Мне же нужна была какая-то материальная объективная зацепка, ухватившись за которую можно распутывать таинственный клубок. Я пока не знал, что внутри этого клубка, но чувствовал: что-то есть.

«Может, его сестра подробнее разъяснит?» – думал я.

Ехать далеко не пришлось. Надежда Мазкова, по мужу Окунева, жила в Холмогорах, недалеко от Чернокошкино.

Прощаясь, Валентин Георгиевич сказал:

– Позвоню сестре. Иначе говорить об этом с вами она не будет.

Деревянное жилье семьи Окуновых напоминало пряничный домик из сказки. Только портила вид овальная, с ржавым подтеком, спутниковая антенна, присосавшаяся к резному углу дома, словно инородная опухоль к здоровому телу.

Надежда Георгиевна была одна. Выглядела в противоположность брату: маленькая, плотно сбитая, как старичок-боровичок в женском варианте. Ее плечи, несмотря на погожий день и теплынь в комнате, покрывал серый пуховый платок.

Хозяйка засуетилась возле стола. На расшитой петушка-

ми скатерти появились вазочки с вареньем, корзинка домашней сдобы и большой фаянсовый чайник.

– Звонил, звонил Валя. Просил поговорить с вами как есть, – кивнула она, опуская возле меня исходящую ароматным паром чашку. – Вы пейте, Вадим, пейте. Чаек брат привозит. Ему приятель из Калькутты шлет. У нас такого не сыщешь.

– Хоть индийцы не испаскудились, – заметил я.

Хозяйка рассмеялась.

– Вижу, хорошо вас приветил брат!

Надежда Георгиевна подвинула ближе ко мне блюдо с булочками и перешла к сути дела.

– Я всю жизнь проработала учительницей в школе. Младшие классы. Тихо-спокойно. Ничего такого, как у Вали, со мной никогда не бывало. Вот только... – она задумалась, – чудно выходило иногда, словно наваждение. Очнешься и думаешь: что ж это было-то? А началось все со школьной поры...

Я слушал уютный говорок хозяйки. Перед глазами проплыло, окруженное березками, большое бревенчатое здание с вывеской «Школа». В тесных, с массивными подоконниками, коридорах было шумно. Оживленная переменой неслась, гулко топая по дощатым полам, детвора. Ребята постарше собирались возле окон небольшими группами. У высокой двустворчатой двери в класс стояла взволнованная Надя. На ее руке алела повязка старшей по звену. Напротив, то и

дело проводя пальцем по шмыгающему носу и теребя кончик замусоленного пионерского галстука, потупился патлатый мальчуган.

– Как тебе не совестно, Сережка! – с жаром произнесла Надя. – Ты что учительнице у доски говорил? Прыгнешь под поезд, если тебе двойки в журнале не исправят? Да как ты смеешь! Разве может советский человек, пионер, думать о самоубийстве! Да за такие мысли... Стыдись, стыдись, Сережка, ведь тебя слышал Митя Тракторенко!

Мальчишка вздрогнул и опустил голову ниже.

Я тоже дернулся, освобождаясь от видения. Посмотрел на хозяйку.

Она кивнула.

– Вот-вот. Меня тоже тогда как наваждением взяло. Почему я сказала о Тракторенко – ума не приложу. В ту минуту появилось такое ощущение... словно вот-вот откроется входная дверь и в коридоре появится Митя. Стройный, с волевыми скулами, одетый в кожаную косоворотку, на которой горит кимовский значок. Подойдет к Сережке, посмотрит на него кристальным взором и скажет: «Эх ты!».

– Может, вера родителей как-то повлияла на вас? – мягко предположил я. – Вот Валентин Георгиевич рассказывал...

Женщина замотала головой.

– Нет, нет! Никогда я не молилась Тракторенко, словно богу, не просила ни о чем. Только один раз, несколько лет назад. Потом расскажу. Я и в бога-то не верила. И сейчас без

него обхожусь. Все своими силами да вот этими руками, – она показала натруженные морщинистые пальцы. – Это нынешние учителя тяжелее авторучки ничего не поднимают. Везде автоматизация. А в наше время пришлось поработать. Да и теперь... Муж еще в пятьдесят седьмом за длинным рублем на Дальний Восток подался. Так и не вернулся. Только алименты слал. Сыновья, Коля и Петя, в Германию со своими немками уехали, перед развалом Союза. Открытками на Восьмое Марта поздравляют, – горько усмехнулась она. – А вот это все, – Надежда Георгиевна обвела рукой хозяйство, – дочка с зятем помогают. Он головастый, дочкин Борис. Не пьет. Налево не смотрит. Редкость сегодня. Внучка заезжает. И брат наведывается подсобить.

Мы немного помолчали.

– А Сережка этот? Когда вы его отчитывали, не спросил, кто такой Митя Тракторенко?

– В том-то и дело, что нет! – вздохнула хозяйка. – Ну ладно – Сережка. Он мог подумать, это кто-то новый из комсомольской ячейки. Но и у меня не было таких знакомых. А ведь сказала! И до сих пор себя виноватой чувствую. Погиб Сережка через год. Шпана зарезала на улице. Рассказывали, на простыне его до больницы несли. Не успели, – Надежда с тоской посмотрела на меня.

– Точно совпадение. Вы и терзать себя не думайте, – убежденно произнес я.

– Ох, хорошо, если так, – кивнула она. – Или вот другой

случай. Вы пейте чай, а я расскажу.

– Спасибо, – я охотно подставил чашку под чайник. Напиток действительно был очень вкусным, не в пример нашим чаям.

– Я уже учительницей работала. Первые – третьи классы. Детишек разных хватало. Балбесов и двоечников тоже. И был у нас директор. Как помню, Конников его фамилия. Толстый маленький тип. Ему бы в торговле работать, а он в школьную систему полез. Поговаривали, наверху у него кто-то влиятельный был. Слушок пополз, что любит он подарки. – Надежда Григорьевна махнула рукой. – Прошное всегда идеализируют. А в наше время подлецы и взяточники тоже встречались. Только меньше их было. И брали втихую, не как сегодня – в открытую. Ну так вот повадились к директору родители неуспевающих учеников. Почему, мол, ваша учительница Надежда Окунева – а я тогда уже на мужниной фамилии была – детишек наших топит? Это значит – двойки ставит. Видно, хорошо поднесли директору. Он меня вызвал. Сначала орал. Смотрит – меня этим не проймешь. Тогда он по-другому, тихонько да ласково так: вы детишкам двоечки не рисуйте, а я вам за это бумажечку-другую. И по карману себя гладит. И вам хорошо, и успеваемость на высоте. Тут меня и взяло. Смотрю на него презрительно и говорю: «Таким, как вы, место не в системе образования, а в тюрьме! Но Митя Тракторенко все видит!». Он глаза вытарачил: «Да кто ты есть, со мной так разговаривать!». Я выскочила. До

вечера ходила сама не своя. Благо, все уроки в первой смене закончились. А на следующее утро к школе машина черная подъехала. Трое из нее вышли. И в директорскую. Мы сразу поняли. В приоткрытые двери выглядывали из классов тихонько. Вывели Конникова. Он красный, дрожит, чуть на пол не валится. Хорошо, уроки шли. Дети не видели. В общем, потом узнали мы, что и родственника директорского в областном управлении арестовали, – Надежда Георгиевна отхлебнула чаю, выжидательно посматривая на меня.

– А если тоже совпадение? И Митя Тракторенко ни при чем? – снова выдвинул я банальную версию. Но других у меня не было.

Хозяйка улыбнулась.

– После уроков в этот день педсовет не назначали. Но все учителя, как смеркаться начало, словно по указанию, собрались в директорской. Те, кто первую смену отработал, приехали вечером из дома. Выяснилось, директор не мне одной взятки предлагал. А когда закончили про этого хапугу, дружно стали благодарить Митю Тракторенко. Спасибо, мол, что помог избавиться от взяточника. Как вам такое?

– Этого объяснить не могу, – признался я.

– Вот и для меня загадка. Но после случая с директором я никогда не вспоминала Тракторенко, никаких странностей не происходило до девяносто восьмого года. Вот тогда-то мне и пришлось взмолиться Мите.

Заинтригованный, я смотрел на хозяйку.

– Да, точно! Пять лет назад это произошло. Рая, дочка, приехала как-то днем, в то лето, сама не своя. Я к ней. Что такое? Оказывается, на их, с Борисом, фирму, бандиты глаз положили. Рейдеры эти самые. Ну какая там фирма! Маленький домашний цех по изготовлению тканевых жалюзи. В общем, обложили данью. Иначе грозились поджечь...

Надежда Георгиевна разволновалась. Я прикоснулся к ее руке.

– Не переживайте. Ведь все закончилось хорошо?

Она судорожно вздохнула.

– Да. В общем, как дочка уехала вечером к себе, я в сад вышла. Села на скамейку и говорю: «Митя! Да помоги же Рае с Борисом! Больше никогда ни о чем просить не буду. Только спаси их!». И сразу легко-легко стало. Словно даже ветерок теплый повеял. Я спать спокойно легла. А на следующей день приезжают радостные дочка с зятем. Хорошие новости. Бандюков, которые к ним приставали, другие бандюки перестреляли. А тех спецназ уничтожил. И все дальше спокойно пошло.

Хозяйка пытливо взглянула на меня.

Дочка ничего не знает о Мите Тракторенко. Не зачем ей это. Видно, только мы с братом и остались, кто тайну ведает.

– Не беспокойтесь, Надежда Георгиевна. Это исключительно наш с вами разговор, – заверил я.

Чай был выпит.

Я посигналил машущей мне на прощание хозяйке, вырубил по травянистой дороге к шоссе. В голове складывались алгоритмы исследования феномена Мити Тракторенко. Я надеялся, что для первого этапа изысканий этого достаточно. В дальнейшем, как добросовестному исследователю, мне следовало поехать по областям и поспрашивать людей, заглянуть в архивы.

Дома я сел за книги.

Отгалкиваться в поисках следовало от надписи на фотографии Мазкова: «Митья Тракторенко Сарасвати». Итак, ведические верования.

Слово «Митья» выражает категорию абстрактных смыслов и на санскрите означает нечто неверно понятое, неправильно воспринятое, идущее вопреки, или, с некоторой натяжкой, что-то противоположное.

С именем же Сарасвати ассоциируется великая священная река. Образ этой реки намного позднее обрел антропоморфные черты и воплотился в женское божество, покровительницу красноречия и различных искусств, так же связанную с изливающейся водой и тайными знаниями. Из тройственного «Митья Тракторенко Сарасвати» выпадал только украинизированный Тракторенко, имеющий непонятное отношение к некоему трактору.

«Сарасвати... вода... – думал я. – А ведь на фотографии, показанной мне Мазковым, запечатлено распаханное под засев поле. А где поле и урожай, там всегда вода. Она – жизнь,

а отсутствие воды – смерть». Мне показалось, что я улавливаю какую-то связь. Вспомнились фрагменты карпатской керамики, соотносимой в академических кругах с периодом древнейших славян тшинецко-комаровской культуры. Народы этого временного охвата, а он занимал, очень приблизительно, пятнадцатый – двенадцатый века до новой эры, лепили керамические ритуальные сосуды в форме двух, а нередко и четырех, женских грудей, символизирующих идущие из архаических глубин представления предков о дарящих благостный дождь верховных богинях: это те самые две женщины-важенки с оленьими рогами, память о которых дошла до наших дней в виде стилизованных узоров и орнаментов на вышивках жителей Русского Севера. Подобные узоры были широко распространены и на советских свитерах.

– Можно предположить, хотя подтверждений этому пока нет, что элементы верования в некое божество, к которому сегодня относятся номинации Митя [Митья], Тракторенко и Сарасвати, были привнесены примерно три с половиной тысячи лет назад или намного раньше на территорию, которую мы теперь называем Восточной Европой, – размышлял я вслух. – Если объединить смысловые изводы слов «Митья» и «Сарасвати», то получим что-то вроде «неправильного понимания изливающейся воды». Или воды, текущей вспять. Вода в представлении большинства народов символизирует время. В итоге получается образ повернутого вспять потока времени. А это символ противостояния смерти.

Пока все складывалось. Однако тут же перед глазами появился настырный Тракторенко, упорно пахущий железной машиной бескрайние поля на Украине.

«Но ведь Тракторенко – это и женская фамилия!» – дошла до меня простая истина. Мое заблуждение можно было понять. Первоначально я основывался, пока не увидел фотоснимок Мазкова, на славянском мужском имени Митя, с полной формой имен Д[и]митрий и Митрофан, которые упорно принимаются многими лингвистами за имена греческие, заимствованные славянами. Теперь, когда «Митя» превратился в «Митья», допустимо ли предположить, что фамилия Тракторенко через Сарасвати относит нас к женскому началу?

Мысли мои перескакивали с одного на другое. «Быть может, в какой-то период ведическая богиня Сарасвати объединилась с некой Тракторенко, а потом трансформировалась в божество мужской ипостаси – в Митю Тракторенко? – пытался понять я. – Но фамилия Тракторенко – неологизм. Она не могла возникнуть ранее появления в России первого трактора. Это двадцатые годы двадцатого века. Тогда, вероятнее всего, сразу и образовалась устойчивая мужская форма божества. Ведь родители Валентина Георгиевича и его сестры молились именно Мите Тракторенко. Имеет смысл изначально рассматривать эту странную фамилию как выражающую мужскую ипостась неизвестной могущественной силы. А вот зачатки уникального верования следует искать

определенно на Севере. Мазковы оттуда».

Размышления уводили меня в очень щекотливую тему теснейшей индоарийской общности, истоком которой является обширная территория нескольких областей: Архангельской, Вологодской, Мурманской, плюс Карелия – то есть тех, какие принято относить к Русскому Северу. Но академическая точка зрения на неразрывное единство народа, из которого вышли славяне, индийцы и иранцы, такова: ложь и профанация! Хотя факты успешно доказывались и подтверждаются до сих пор не потерявшими совесть и профессиональную честь учеными, начиная со второй половины девятнадцатого века и по настоящее время. А если быть совсем точным, о подобных догадках писали еще древние историки.

Помню, на первом курсе, в первый день занятий, на первой паре, стучал по кафедре кулаком профессор Вальдман, окидывая аудиторию колким брезгливым взглядом.

– Никакой тесной индоарийской общности на территориях, называемых Русским Севером, не было! Запомните! Не было! Псевдонаучная ложь! Факты – лишь домысел и ничего не значащие совпадения!

В общем нужно сказать, древним славянам, особенно той части, куда потом отнесут русичей, сильно не повезло с их будущими исследователями. В моей голове еще до вуза сложилась картинка, вернее, видение, преследовавшее меня всю жизнь.

Мрачная уютная комната. Стол с зеленым сукном, освещенный лампой.

щаемый узким лучом лампы с колпаком. На грубом стуле сидит очередной молодой исследователь: быть может, историк, этнограф, лингвист, искусствовед или археолог, только-только начинающий специалист по прошлому славянского народа. Напротив, за гранью светового луча – Наставник с папиросой. Его лица не видно, но цепкий взгляд жжет даже из темноты.

– Наш разговор секретен, – глухо и внушительно говорит Наставник. – Вы ступаете на стезю науки. Можете делать любые открытия. Проводите какие хотите раскопки. Стройте самые смелые гипотезы. Вы вольны в своих исследованиях. Но при одном принципиальном условии: славянский этнос вторичен по отношению к другим. Априори. Почти вся его лексика заимствована из иных языков. Его культура, быт, история вышли из окружающих народов. У него никогда не было ничего своего. Если вам покажется, что вы нашли что-то оригинальное, ищите, придумайте, от кого это было заимствовано. Вы будете заниматься наукой, исходя из этой аксиомы. Запомните на всю жизнь, для вашего же блага. Вы свободны. Следующий!

Со временем я все более убеждался, что мое видение имеет под собой реальную основу. Быть может, не в таком утрированном виде, но все же. Я наблюдал, как седые, написавшие горы книг академики важно пыжились, вода пальцем по карте от Прикарпатья до Урала, ныряя вниз, к придонским степям и на Ближний Восток, в бесчисленных попыт-

ках найти безопасное для научной критики место бездомным нашим предкам. Слово «Гиперборея» вызывало у профессоров инфаркт. Сталкиваясь с любым неясным по смыслу и происхождению словом, они тут же бросались утверждать его заимствование из чужих языков, даже не пытаясь покопаться в своем родном.

Доктор исторических наук Соломон Давтян на одном из публичных докладов, приуроченных ко Дню славянской письменности – ежегодному событию, имеющему под собой абсолютно ложную основу, посетовал, шутя, что ревнителю теории индоевропейской общности, якобы существовавшей на Русском Севере, нельзя, к сожалению, отмечать выжженным клеймом. Кто-то из студентов в зале крикнул: «Сволочь! Надень им белые нарукавные повязки!». Его тут же вывели.

Мой научный руководитель, профессор Рыбкин, изначально советовал мне этой темой не заниматься.

– Ну не нужно пытаться разрушить то, что уже построено, Вадим, – вздыхал он, протирая, с большими толстыми линзами, очки. – Ломоносова в Академии – и то на колени поставили, с его правдой. А вы не Ломоносов. Система, концепции, теории – все складненько притерто, прилажено. Копайтесь там сколько душе угодно. А на Север не лезьте вы со своей индоарийской общностью. Ложь бывает во благо, а правда может убить. Иногда в буквальном смысле. Я вас, конечно, поддержу на защите, но на многое не рассчитывайте.

И вот теперь выходило, что Тракторенко с ведическими «Митья» и богиней Сарасвати уводили меня именно на Русский Север.

Той осенью, до наступления холодов, я успел еще поездить по северным областям. К моей радости, удалось кое-что обнаружить.

Возле Великого Устюга, узнав, что я записываю старинные байки и всякую бль-небыль – а я именно так, по-простому, объяснял фольклористику жителям, – мне посоветовали наведаться в село Матица, к Аграфене Терентьевне.

Старушке было на вид лет сто, а сколько точно – она и сама не знала. Жила с внучкой – высокой пожилой женщиной аристократической стати. Когда я несколько раз громко произнес «Митя Тракторенко», баба Аграфена оживилась и беззубым ртом, бойко окая и цокая, произнесла:

– Доли-доли-доли!

Лейся, лейся, Митя, Митенька,

по руцкам-ветоцкам,

Доли-доли-доли!

Колоском девица тебе нарецена,

а земля водицею напоена.

Это был неизвестный мне вариант древнеславянских заговоров, относящихся к аграрной магии. Она относительно хорошо изучена и описана исследователями. На ум сразу пришел старинный балканский обряд призыва дождя при засухе. Девиц, участвующих в этом ритуале, называли додолами.

«А здесь – доли-доли-доли. Может, речь тоже идет о додолах?» – подумал я. Тогда еще раз подтверждалось, что корни подобных аграрных ритуалов действительно тянутся на Русский Север. И мое предположение о связи культа «Митья Тракторенко Сарасвати» с водой тоже укреплялось.

«Исходя из всех изысканий, можно утверждать, что к этому верованию относились некоторые устойчивые номинации: «Митья Сарасвати», «Митья Тракторенко Сарасвати», «Митя Тракторенко» и просто «Митя». Безусловно, варианты с «Тракторенко» имели позднейшее происхождение» – подвел я итог.

Старушка посоветовала:

– Поезжай до моей Настёны. Бат, она-та прялку покажет.

Я отправился в Кандалакшу. Было холодно и дискомфортно, а путь предстоял долгий. К концу путешествия дорогу периодически накрывал туман. В его тяжелых пластах плыл рядом с машиной Митя Тракторенко. Вот он протянул ко мне руку, и она разбрызгалась по лобовому стеклу каплями дождя. Я понял, что утомился. Остановившись у обочины, неожиданно для себя пробормотал:

– Митя Тракторенко, тучи разгони! Солнышку дай проглянуть! Тебе моя благодарность большая.

Не успел я возмутиться собственной глупости, как в салоне автомобиля стало светло, и по приборной панели побежали яркие зайчики. Выскочившее из туч солнце резво сушило туман.

«Элементарное совпадение и работа подсознания. Ты же чувствовал, что дождь заканчивается» – подумалось мне.

Подремав с часок, я вернулся на трассу и спокойно доехал до Кандалакши. Отыскал по адресу место.

Настасья Тихоновна жила в большой квартире на втором этаже симпатичного высотного дома. Дверь открыла чернявая девушка лет восемнадцати. Представилась Кариной, родственницей.

– А, это вы бабушке про старую прялку звонили? – она осмотрела меня с ног до головы. Зевнула. – Проходите в зал. Она уже заканчивает. Вы не мешаете.

Я немного помедлил, решив, что пожилая женщина занята медицинскими процедурами, вполне естественными для ее возраста. Шагнул в комнату и от изумления замер.

Бабы Насти я не увидел. Передо мной была подтянутая моложавая дама с собранными в хвостик светлыми волосами. Стоя посреди полупустого зала, одетая в синий, с белой полосой, спортивный костюм, она бодро выполняла наклоны, держа в руках довольно увесистые гантели.

– Ну вот еще разок. И все. Закончила! – весело доложила она и, отдуваясь, сняла со стульчика полотенце. – Здравствуйте, Вадим. Мой знакомый профессор, Костик Никитин, сто лет назад программу упражнений для меня составил. В тонусе потрясающе держит! Вижу, не ожидали?

– Приятно поражен, – признался я.

– Меня Настасьей можете звать, – заулыбалась хозяйка. –

Пойдемте. Покажу прялку. Чаю хотите? Карина, включи чайник! – крикнула она.

Мы прошли в кабинет. На изысканном столе из розового дерева поблескивала рычажками пишущая машинка антикварного вида с лихой надписью наискось – «Rheinmetall». Отодвинутое от стола кожаное кресло выглядело потертым, но взгляд безошибочно говорил: потертость эта дорогого стоит. На стенах рядами расположились картины с пейзажами: судя по технике исполнения, весьма недурными. В углу благородно чернели резной комод и пара стульев с узорными спинками.

– Компьютером стараюсь не пользоваться, – показала хозяйка на пишущую машинку. – Еще в советское время из ГДР привезла. Ни разу не подводила. Умели делать.

У меня возникло легкое ощущение нереальности. «Сейчас я услышу: «Хоть немцы не испаскудились!»» – подумалось мне. Этого, конечно, не произошло.

Настасья открыла комод, порылась в нем и вытащила половинку прялки.

– Она была цельная, но когда-то сломалась, – объяснила она.

Я кивнул и сказал:

– Корневая прялка. Вытачивались такие из цельного куска дерева, в отличие от составных. А это ее верхняя часть – лопаска, где крепилась кудель будущей пряжи. Нижняя же часть, на которой сидела пряха, называлась по-простому:

поджопницей.

Хозяйка удивленно взглянула на меня.

– А вы... ах, да! Вадим, вы же этнограф! Простите меня, идиотку. Ну кому же, как не вам, такое знать, – виновато улыбнулась она. – А я по образованию искусствовед. Специализация – пейзажная живопись.

Настасья положила лопаску на стол. Подвинула стул.

– Ну вот. Смотрите. А я пока бумаги переберу, – она уселась в кресло и выдвинула ящик.

Я взял лопаску. Она была широкой. Ее верхний край украшала сквозная резьба в виде солярных знаков. По нижнему волнистому краю, у излома, шла резьба мелкая, состоящая из ромбов и квадратов. Лицевая сторона разделялась линией горизонтально на две части. Верхнюю, большую, занимали изображения, расположенных треугольником трех лунных дисков. Нижняя часть, усеянная черточками и одним солнцем с коротенькими лучиками, возможно, символизировала подземный мир и ночное время.

Я перевернул прялку и от волнения задохнулся.

Здесь была нарисована потускневшими красками сцена весенней пахоты. По коричневому полю шел старый, с железными колесами-обручами, открытый трактор. На нем восседал, выведенный черным, костлявый тонкий силуэт, одна рука которого крепко держала длинными пальцами руль; другой – он указывал на тучу, висящую над трактором. Из тучи тянулись к земле пунктирные нити. По верху лопас-

ки шли полукругом слова: «Мора-Митя Тракторенко пашет, сеет, жнет. Одних прибирает – другим жизнь дает». Судя по современной орфографии, надпись была сделана после языковой реформы тысяча девятьсот восемнадцатого года. Рисунок, видимо, тоже.

– Нашли что-то интересное? – спросила Настасья, видя мое волнение. Я повернулся к ней.

– Необычная лопаска. А откуда она у вас?

– Да на блошином рынке увидела. За копейки отдавали. Уже не скажу, когда это было, – потерла она пальцем переносицу. – Где-то в начале восьмидесятых. Да-да, верно! А насчет рисунка не знаю. Станный, конечно. Но вам виднее, – хозяйка встала из кресла, прикоснулась к лопаске. – Я порывалась на реставрацию отдать. А руки не доходили. И до сих пор вот, – махнула она. – Хотя надо. Маме моей уж больно нравится. А хорошо, что вы приехали! – глаза Настасьи блеснули. – Вот решено: завтра же знакомому мастеру-реставратору отвезу. И маме подарю. Давненько-то я у ней не бывала.

Я положил лопаску на стол.

– Спасибо вам, Настасья.

Пойдемте чайку попьем, – предложила она, открывая дверь кабинета.

В коридоре маячила Карина.

– Ой, я забыла чайник поставить, – зевнула она. – Ба, дай денег, я на дискач вечером иду. У Машки днюха.

Настасья неловко взглянула на меня.

– Карина, я позавчера дала тебе довольно большую сумму.

И вообще – позже поговорим, у нас гость.

Глаза девахи вылупились как у ленивца.

– Я же диски купила с музоном. Ты забыла? А подарок? Мне надо. Я не успею позже!

Я почувствовал, что лучше уйти.

– Настасья, вы простите, но мне ехать очень долго. А там дела. Я вынужден все же откланяться.

Хозяйка не настаивала, видимо, готовясь к очередной истерике внучки. Мы попрощались.

«А ведь раньше действительно и солнце светило ярче, и трава была зеленее» – размышлял я, спускаясь по лестнице под доносящиеся визги девахи.

По пути назад я старался ни о чем не думать. Сказывалась усталость. Вечерело. Я остановился поспать, приткнув на стоянке «Ниву» в уголок возле длинных фур.

Вернувшись в Москву, я продолжил вспоминать о прялке. Еще до того, как я ее увидел, у меня сложилось убеждение, что в конечном счете я столкнулся с культом древнего могучего божества, имеющего отношение к жизни и смерти. Надпись на лопаске «Мора» убедила меня в этом окончательно.

Мора, Мара, Морена, или Марена, в славянском пантеоне – это богиня смерти, холода и зимы. Так как Сарасвати связана, в числе прочего, с ведическими знаниями, вполне возможно, что наши предки вполне четко представляли себе тандем противоположностей «Марена – Сарасвати» как син-

кретический образ единой богини, которая с помощью тайных знаний повелевает смертью и обращает время вспять. В потоке тысячелетий менялись представления людей о богах. Зарождались новые смыслы. Слово «Марена» превращается в «Митья». И гораздо позже, когда функция древнего божества стала утрачивать свою связь с названием, возникает «Митя». И совсем недавно, в начале двадцатого века, появляется и «Тракторенко».

Теперь, когда в поле зрения вошла Марена, я понял, что могу попытаться выяснить в изучаемом веровании изводные смыслы странной современной фамилии, которая, если быть точным, не существует. Это искусственное образование, встречающееся лишь в комедийных произведениях – Тракторенко.

С богиней Мареной, или Марой, как с образом самой Смерти, связаны и представления об ужасах, страхах и кошмарах. В английском языке есть любопытное и далеко не простое слово «Nightmare», имеющее индоевропейские корни. Его части по отдельности – «Night» и «Mare» переводятся как «Ночь» и «Кобыла». Само же цельное слово «Nightmare» переводится на русский как «Кошмар». Кстати, «Кошмар» имеет древнеславянское происхождение, а вовсе не заимствовано из французского или других языков, как пытаются нас убедить лингвисты, побывавшие за столом с зеленым сукном в кабинете у Наставника. Состоит оно из двух старинных корней: «Кошь» – судьба и собственно

«Мар», относящееся к Марене, Морене, Маре. Судьба Марены, предопределенность Смерти – не кошмар ли?

Но вернемся к нашему трактору.

В некоторых источниках богиню Марену изображали верхом на лошади, так как образы этих животных были связаны не только с миром Прави (область светлых божеств), но и Нави (область темных сил). А другое устойчивое название трактора – это перифраз «Железный конь»! На нем сидит черный силуэт, изображенный на лопаске, и надпись «Мора-Митя Тракторенко пашет, сеет, жнет. Одних прибирает – другим жизнь дает» подтверждает тот факт, что Митя Тракторенко – это сама Смерть, восседающая на [железном] коне и ведущая человека через самую себя к новой жизни в процессе вечного перерождения.

Мои расследования подошли к концу. Я исчерпал все возможности. Своими открытиями я ни с кем не делился. Оставалась надежда, что в дальнейшем мне все же удастся выяснить что-то еще.

На следующий год моя сестра Вера вышла замуж за военного летчика, Никиту. Вопреки моим опасениям, он оказался человеком думающим. Таким же был и его отец, Павел Михайлович Камнев, генерал ФСБ. Любимой шуткой генерала являлось высказывание: «У меня квадратно-гнездовой способ мышления, но агротехника на высоте».

Чем именно занимался генерал в своем закрытом ведомстве, он, конечно, не говорил, но как-то мы беседовали с

ним, под водочку, о прошлом, и Камнев заметил, что мог бы подсобить мне с доступом к закрытым архивным материалам, если вдруг это понадобится для каких-либо исследований. Разве можно было не воспользоваться такой удачей!

Я стал иногда обращаться к нему за помощью, заканчивая дипломную работу, темой которой был сравнительный анализ орнаментики в творчестве народов Русского Севера и Индии. Генерал предупредил, что фотографировать и делать копии в архивах нельзя. Все, что я видел и читал, разрешалось только запоминать и записывать ручкой в блокнот, который, как и ручка, проверялись дежурными на входе и выходе в низком длинном здании, занимающим значительную часть одного из переулков в самом центре Москвы. Ссылаться в дипломной работе на секретные архивы я, разумеется, не мог. Но копание в пыльных папках под пристальным присмотром густо натканных в потолке видеокамер продвигало мои исследования существенно.

Я чувствовал, что на защите меня будут валить, а работу постараются оценить по минимуму. На высокую оценку надеяться не приходилось. Об этом меня предупредил профессор Рыбкин. Становиться жертвой научной косности и чьих-то откровенных козней я не хотел, о чем осторожно рассказал генералу Камневу.

- Не вопрос! Что же ты раньше молчал! – удивился он.
- Рассчитывал сам, но вижу: не выйдет.
- Что сам – молодец! Уважаю. Не переживай.

Видимо, возможности Павла Михайловича были намного больше, чем я представлял. На защите комиссия вопросов почти не задавала, лишь для формальности уточнили некоторые детали. Слушали молча.

Позже секретарь, не глядя мне в глаза, протянул зачетку с отметкой «Отлично».

Я купил бутылку превосходного коньяка, к сожалению, армянского не нашлось, банку черной икры и пошел к Павлу Михайловичу. Мы поговорили о будущем.

– Можешь захаживать в архивы и дальше, – сказал Камнев, с удовольствием дегустируя коньяк. – Только имей ввиду, Вадик: ты лезешь в такие дебри, откуда можно и не выбраться, – лицо генерала стало серьезным. – Будь осторожен. Иначе даже я не смогу тебе помочь. Ты же видишь, что происходит вокруг.

Шло время. После вуза я продолжил заниматься этнографическими исследованиями. Защитил кандидатскую, уже без помощи генерала Камнева, который вышел на пенсию, но продолжал работать, по-прежнему обеспечивая мне доступ к архивным тайнам прошлого.

Копаясь в папках, содержимое которых никто не спешил переводить в электронный формат, я надеялся обнаружить что-нибудь о неизвестном исследователям культе «Марена – Сарасвати» или наткнуться на записи о Мите Тракторенко. Но тщетно. Поездки по северным областям тоже не давали результатов. Наверное, последними носителями этого древ-

него верования в его современной форме были брат и сестра Мазковы, Алевтина и баба Аграфена. Но я чувствовал, что прорывающаяся сквозь тысячелетия неведомая первозданная сила где-то рядом. Невольно прикоснувшись к ней, я продолжал все годы ощущать ее незримое присутствие за спиной, наблюдая, как хаос и разрушения вокруг рвут на части больное тело России. Раковая опухоль росла изнутри, и никакие внешние достижения и победы не могли ее остановить. Однажды я не выдержал и, взяв отпуск, уехал с большим рюкзаком на пару недель в Хибины.

На Кольский полуостров в то лето опустилось невиданное тепло. В горах даже ночью, вдалеке от костра, было уютно.

Стоя у маленького, чистейшей первородной воды, озера, я вдохнул свежий, пахнувший по-особому здесь, за Полярным кругом, воздух и прошептал:

– Митя Тракторенко! Никогда не просил я тебя ни о чем. И эта просьба – единственная на всю жизнь, не о себе прошу...

Я возвращался в Москву поездом. На душе было спокойно. За промытым дождями окошком, под низкими, но совсем не тоскливыми тучами виднелись деревянные домики, тянулись речки и озера. Мне казалось, они не убегают назад, а плывут вслед за мной. Я чувствовал и верил, что однажды все изменится.